

Ветчинова М. Н. Социальный портрет учителя иностранного языка на рубеже XIX—XX веков / М. Н. Ветчинова // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 264—278. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-264-278.

Vetchinova, M. N. (2019). Social Portrait of a Foreign Language Teacher at the Turn of XIX—XX Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12: 264-278. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-264-278. (In Russ.).

УДК 94(47).083:37.088+371.124:81'243(47)“189/191”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-264-278

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

© Ветчинова Марина Николаевна (2019), orcid.org/0000-0003-2295-4780, SPIN 5785-2967, доктор педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет» (Курск, Россия), marx2003@list.ru.

Представлен социальный портрет гимназического учителя древних и новых языков на рубеже XIX—XX веков. Показана миссия учителя, объем его учебной нагрузки, возможность совмещения преподавания нескольких предметов гимназического курса. Представлены сведения об особенностях работы в должности наставников классов. Выделены формы работы, которые оплачивались дополнительно, а также те, за которые учителя не получали никакого вознаграждения. Сообщаются сведения о количестве уроков в неделю и о сумме оплаты. Охарактеризовано материальное положение учителя, в частности, расходы на квартплату, питание, духовное развитие. Приводятся требования учителей об увеличении зарплаты и снижении учебной нагрузки. Анализируется обращение к учителям страны Правления «Общества взаимного вспоможения лицам педагогического звания» с просьбой активизировать в учебных заведениях работу по сбору средств для помощи нуждающимся учителям. Сделан вывод о том, что объем учебной нагрузки и материальное вознаграждение не соответствовали той высокой социокультурной миссии, которая возлагалась на учителя, но в данный исторический период учитель был эталоном образованности, культуры, непререкаемым авторитетом, за что снижал уважительное отношение со стороны учеников, их родителей, общественности.

Ключевые слова: профессиональный портрет; учитель; наставник; учебная нагрузка; материальное положение; иностранный язык; гимназия.

1. Введение

Реформы в России во второй половине XIX — начале XX веков, сколь необходимые, столь и болезненные, не обошли и систему образования, поскольку страна остро нуждалась в людях, которые могли бы решать сложные задачи экономического, политического, технологического, культурного развития. Радикальному пересмотру подверглись все стороны деятельности общеобразовательной школы: структура и содержание образования, организационные формы и методы обучения.

Реализация новых педагогических веяний была невозможна без эффективной и слаженной деятельности педагогов, поэтому вопросам их профессиональной деятельности, социально-правового статуса и материального положения на рубеже XIX — начала XX веков придавалось особое значение.

Накопленный богатый исторический материал представляет интерес для сегодняшнего дня, когда подобные вопросы находятся под пристальным вниманием как государства, так и общественности. Но все же многие проблемы, которые сегодня декларируются и широко обсуждаются, не всегда находят решение.

В связи с этим в современных исследованиях, которые в том или ином ракурсе показывают деятельность отечественных гимназий прошлого, можно встретить материал, который посвящен учителям дореволюционной России. Это помогает представить социальный портрет педагогов давно ушедшего от нас столетия, их профессиональную культуру, увидеть российское учительство прошлого в контексте конкретной социокультурной исторической ситуации, представить их высокое общественное предназначение — воспитание и образование подрастающего поколения, что в конечном счете должно было оказать влияние на социально-экономическое и культурное развитие государства.

Профессиональная деятельность учителей и их материальное положение нередко становились объектом исследований ученых. Так, за прошедшее десятилетие данной теме посвящены специальные работы И. Н. Мамкиной «Изменение материально-правового положения учителя в условиях смены власти в начале XX века» (2010), М. А. Гончарова «Социально-правовой статус и материальное положение учителей гимназий в России XIX в.» (2011). Подобные сведения можно найти в работах, в которых представлен материал по истории учебных заведений и об учительстве различных губерний России: И. И. Терновая «Образовательные заведения города Иркутска во второй половине XIX — начале XX вв.» (2009), О. С. Уколова «Социально-профессиональный облик городского учительства Пермской губернии в конце XIX — начале XX веков» (2013), Е. В. Захарова «История становления и развития женских учебных заведений Забайкалья (середина XIX в. — начало 20-х гг. XX в.)» (2015), Е. А. Сорокина «Материальное положение и социальный статус провинциального учителя во второй половине XIX в.: на примере зауральского региона» (2019) и некоторые другие.

В имеющихся работах дается обобщенная характеристика профессиональной деятельности, социального статуса и материального положения учителей, а также воспитательного персонала и администрации учебного заведения, но все они имели разное положение в гимназической учительской иерархии, а соответственно, их должностные обязанности, учебная нагрузка и жалованья тоже отличались.

Специальное обращение к портрету учителя иностранного языка представляется оправданным, поскольку древним и новым иностранным языкам отводилась значительная часть учебного курса гимназий, а, следовательно, контингент учителей древних и новых языков был достаточно многочисленным. Формирование их нагрузки имело некоторые особенности, например, распространенным явлением было совместительство, наставничество. Отличия в зарплатах определялись тем, в какой гимназии служил учитель иностранного языка — мужской, женской, государственной или частной, какое имел образование. Разница также зависела от такого немаловажного фактора: является учитель иностранного языка мужчиной или женщиной. Получению дополнительных доходов способство-

вало репетиторство, потому что интерес к изучению иностранного языка был устойчивым.

Вторая половина XIX столетия в России характеризуется значительным ростом промышленности, культуры и просвещения, совершенствуются наука и техника. Развитие точного знания, изменения в социально-экономических отношениях и расширение культурных обменов повлекли за собой насущную необходимость в изучении иностранных языков как основы в постижении передовых идей и технологий, достижений в науке и культуре других стран. Государство нуждалось в специалистах, владеющих немецким, французским, английским языками. По мнению О. Ю. Левченко, без них «не представлялось возможным установление межгосударственных торговых, экономических и политических связей <...> Владение иностранным языком являлось условием успешного осуществления профессиональной деятельности, подчеркивало социальный статус личности» [Левченко, 2013, с. 146]. Образованным, культурным человек считался тогда, когда знал иностранные языки.

Согласно § 52 Устава гимназий и прогимназий министерства народного просвещения (1871) назначать преподавателей языков могли или попечитель учебного округа, или начальник учебного заведения. Кандидатам на должность следовало предоставить диплом об окончании университета. Однако документом позволялось кандидатам в учителя немецкого и французского языков не иметь университетского образования, но успешно пройти испытание, которое давало право преподавать новые языки в гимназии, кандидаты должны были иметь специальное об этом свидетельство и владеть русским языком.

Поступая на службу, учителя древних и новых языков, как и все учителя правительственных учебных заведений, становились государственными чиновниками и получали гражданский чин согласно табели о рангах. Учителя могли получить в соответствии с иерархиями 14 класс — коллежский регистратор, 13 — сенатский регистратор, 12 — губернский секретарь, 11 — корабельный секретарь, 10 — коллежский секретарь, 9 — титулярный советник, 8 — коллежский ассессор, 7 — надворный советник [Не вернуть ли ...].

Поскольку древние языки принадлежали к числу основных дисциплин гимназического курса, то учителя древних языков до 1870-х годов являлись «учителями наук» и назывались *старшими учителями*. Согласно табели о рангах старшие учителя обычно состояли в IX классе и имели чин титулярного советника. В 1860-е годы штатные должности учителей гимназии поднялись выше на один класс, то есть учителя наук получили VIII класс, чин коллежского ассессора и титул «Высокоблагородие» [Гончаров, 2011, с. 132].

Поскольку новые языки — немецкий и французский — являлись второстепенными предметами (или как еще их называли — вспомогательными), то согласно классификации табели о рангах учителя этих языков могли получить чин с XI по IX класс.

2. Социокультурная роль учителя

Общественно-педагогические деятели высказывали общую мысль о важной социокультурной роли учителя иностранного языка. В. Я. Стоюнин (1826—

1888) — статский советник, российский педагог и публицист — в 1881 году участвовал в работе Ученого комитета Министерства просвещения по изменению школьных учебных программ. Он также являлся инспектором частной женской гимназии, учрежденной в 1881 году в Санкт-Петербурге его женой М. Н. Стоюниной, преподавал русский язык, литературу и историю. Миссию учителя древних языков видел в воспитании патриотизма у молодого поколения, поскольку считалось, что древние языки и литература являются «примером любви к отечеству, гражданского мужества, военных доблестей» [Стоюнин, 1860, с. 138].

И. А. Алешинцев (1882—1912), автор множества работ по проблемам образования, создатель фундаментального труда «История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв.)», преподавал словесность в Псковском епархиальном женском училище, был уверен в том, что образовательное влияние новых языков на юношество нисколько не меньше, чем языков древних. Однако важным моментом для него был тот факт, что преподавать их должны люди, которые имеют не только университетское образование, но обязательно и педагогическое [Алешинцев, 1912, с. 222].

Языковед М. К. Фот писал: «Предназначение учителя новых языков состоит в том, чтобы быть скромными посредниками между учениками и современными культурными странами в деле сближения народов и водворения вечного мира между ними» [Фот, 1902, с. 183]. Особое внимание он обращал на еще одну важную роль педагога: «Учитель новых языков воспитывает в мальчике гражданина, сознательно относящегося к выполнению великих общих задач человечества» [Там же].

Представленные высказывания (а их ряд, основываясь на других исторических материалах, можно продолжить) позволяют сделать вывод не только о важной образовательной функции учителя иностранного языка, но и о его огромной социокультурной роли в воспитании юношества. Высокий уровень образования и культуры гимназического учителя оказывал влияние на получение знаний, формирование широкого кругозора учеников, на воспитание в них чувства гражданского сознания, патриотизма.

3. Объем учебной нагрузки

Поставленная перед учителями цель реализовывалась как во время уроков, так и в процессе внеклассной работы. Определяло объем учебных поручений Министерство народного просвещения. Например, министерским циркуляром от 21 августа 1872 года рекомендовалось назначать начинающим учителям объем учебной нагрузки от 12 до 18 уроков в неделю, поскольку им требуется больше времени на подготовку к занятиям. Учителя со стажем должны были проводить максимум 24 урока в неделю.

Нельзя не сказать, что руководители учебного заведения также должны были непременно заниматься преподавательской работой. Совершенно правильно считалось, что директор, который не порвал «непосредственной связи с преподаванием», сможет обеспечить лучшее педагогическое руководство деятельностью всего коллектива гимназии. Полагалось, что «преподавание явится одним из ценных

средств, предупреждающих превращение директора в чиновника, администратора, лишённого педагогической души» [Смирнов, 1954, с. 172].

Объём учебной нагрузки не изменялся с течением времени. Так, «Положение о штатах учителей», которое было выработано на съезде учителей 2—4 февраля 1918 года, рекомендовало учителям проводить 18 уроков в неделю. Однако в нагрузку (в общей сложности до 30 часов) входила внеурочная деятельность, которая включала проверку письменных работ учеников, подготовку к урокам, участие в педагогических советах и прочие формы работы [ГАРФ, ф. № 1359, оп. 1, д. 25, л. 13]. Данный документ закреплял получение учителем полной зарплаты, даже если по объективным причинам количество уроков было меньше установленной нормы. Но он был должен проводить бесплатно уроки в другом учебном заведении, чтобы компенсировать недостающие до нормы часы.

Учителя иностранных языков ратовали об уменьшении числа недельных уроков. Ориентировались они на своих европейских коллег, которые имели меньшую нагрузку по сравнению с отечественными педагогами. Например, в эти годы во Франции учителя новых языков добились сокращения числа уроков в неделю с 20 до 15. В Австрии учительская нагрузка варьировалась в пределах 14—17 уроков. В Германии педагоги выступали с предложением уменьшить количество уроков до 15 вместо 22 [Ней, 1901, с. 16].

Отечественный педагог Н. Кошкина справедливо отмечала, что для своей успешной деятельности учителя не должны быть перегружены уроками. Она призвала обратить внимание не только на обязательное сокращение их недельной нагрузки, но и на «чрезмерное переполнение классов учениками» [Кошкина, 1901, с. 57].

Говоря о нагрузке учителей древних и новых языков, нельзя не отметить того распространённого факта, что учителю приходилось вести не только свой основной предмет, но и другие, если не хватало в учебном заведении учителя-предметника. Такая практика имела место и тогда, когда нужно было довести нагрузку до определённого количества часов. Порой учителю, особенно частного учебного заведения, приходилось преподавать совершенно разные предметы. В первую очередь учителям древних и новых языков позволялось проводить уроки русского языка, а также обучать другим гуманитарным предметам.

Например, в Курской губернии (Харьковский учебный округ) существовала Грайворонская женская гимназия. Французский язык в ней преподавала с объёмом 160 учебных часов жена надворного советника О. Е. Михайлова. Интересно, что она же в учебном заведении проводила уроки по чистописанию, истории, географии. В начале XX века в Грайворонской мужской гимназии латинский язык в III—VI классах преподавала М. О. Юркевич, также ею велись уроки философской пропедевтики в III и IV классах. В. С. Ковалев вел уроки латинского языка и истории [ГАБО, ф. № 81, оп. 1, д. 131, л. 77]. В. Ф. Коровицкий преподавал в 1918 году в Седлецкой мужской гимназии (Варшавский учебный округ) русский язык во 2-м и 5-м классах, географию — во 2-м, 3-м и 4-м, французский язык — в 8-м классе [ГАБО, ф. № 80, оп. 1, д. 80, л. 6].

Министерство народного образования не оказывало препятствий преподаванию двух или более предметов одним и тем же преподавателем, но рекомендовало проводить уроки в одном и том же классе [ГАКО, ф. № 185, оп. 1, д. 32, л. 148].

Нередки были случаи, когда учителям приходилось работать в нескольких учебных заведениях, которые могли находиться в разных частях города, что составляло неудобство, с одной стороны, и требовало дополнительных расходов на транспорт — с другой, поскольку они были вынуждены пользоваться извозчиком или трамваем.

Как видим, для того чтобы получить дополнительную сумму к зарплате, учителя вынуждены были преподавать несколько предметов гимназического курса, а порой и проводить уроки в разных учебных заведениях. Подобная ситуация была достаточно частой в то время. Например, исследование материального положения учителей средней школы в Москве показало, что в среднем учитель вел уроки в 2,2 учебных заведениях, а на каждую учительницу приходится 1,4 [Материальное ..., 1908, с. 155].

4. Наставничество

Несмотря на достаточно большую учебную нагрузку, учителя древних и новых языков работали классными наставниками в мужских гимназиях и классными дамами — в женских. Согласно § 61 Устава гимназий и прогимназий министерства народного просвещения (1871) начальник гимназии имел право назначать классными наставниками тех преподавателей, которые вели в классе много уроков. Попечитель учебного округа должен был утвердить их в этом звании. Полагался один наставник на класс с «соразмерным вознаграждением из определенной на сей предмет штатной суммы». Директор и инспектор гимназии также могли выбирать себе класс для наставничества, но они не получали за это материальное вознаграждение. Министр народного просвещения граф Д. А. Толстой писал: «Должность наставника не только в высшей степени почтенна по своей сущности, но и почетна в том смысле, что свидетельствует перед всеми родителями и родственниками о доверии учебного начальства к лицу, назначенному на эту должность» [ГАКО, ф. № 185, оп. 1, д. 32, л. 146].

Высказывалось пожелание, чтобы классными наставниками выбирались заслуженные и опытные педагоги. Разрешалось назначать и молодых преподавателей, но директор и инспектор гимназии должны были им оказывать поддержку и помощь. Считалось, что для молодых это является «отличной школой практической педагогики», а также способствует развитию в них профессиональных качеств, необходимых как для преподавателя, так и для классного наставника. Однако приоритет в утверждении на должность наставника имели те учителя, которые проводили в классе большее число уроков. Это было связано с тем, что «имея более дела с учениками по предмету своего преподавания, лучше могут наблюдать за формированием их характера и развитием наклонностей и в большей мере содействовать их умственному и нравственному преуспеванию» [ГАКО, ф. № 185, оп. 1, д. 32, л. 147].

В первую очередь назначались учителя древних языков, потому что они вели в классе много уроков, а следовательно, проводили много времени с учениками. Назначение на должность наставника из числа учителей новых иностранных языков виделось нежелательным, «представляющим существенное неудобство», поскольку они обучали не целый класс, а лишь его часть. Но все же архивные материалы свидетельствуют о том, что учителя новых языков нередко совмещали должность учителя и наставника. Так, И. И. Досычева, которая работала в 1916 году в Грайворонской мужской гимназии Курской губернии учительницей французского языка и имела объем учебной нагрузки 24 часа в неделю, являлась к тому же и наставницей II класса, в котором ею проводилось 5 уроков французского языка в неделю, в то время как в других классах у нее было по 2 урока [ГАБО, ф. № 81, оп. 1, д. 131, л. 32]. З. Максимова, учительница французского языка Седлецкой мужской гимназии, работала наставницей во 2 классе [ГАРФ, ф. № 1546, оп. 1, д. 44, л. 11]. А. Утке не только преподавала немецкий язык, но и была наставником первого класса [ГАРФ, ф. № 1546, оп. 1, д. 44, л. 16].

В функции классного наставника входило «наблюдение за ходом учебно-воспитательного дела в классе и содействие умственному и нравственному преуспеванию учеников» [ГАБО, ф. № 82, оп. 1, д. 155, л. 147].

Как видим, нагрузка гимназического учителя древних и новых языков была внушительной. Дополнительная работа в качестве классного наставника не только занимала много времени, но и требовала огромной самоотдачи, душевных сил. Многие из них, кроме латинского, немецкого, французского, преподавали еще русский язык, чистописание, географию, историю и другие дисциплины гимназического курса, что влекло за собой дополнительную подготовку к урокам.

Следует добавить, что учителю необходимо было время для подготовки к урокам, для чтения профессиональных изданий. В. Н. Витевский, выпускник историко-филологического факультета Казанского университета, известный отечественный историк, педагог, писал: «Каждый учитель, который служит не ради карьеры, а ради блага ближнего и пользы государства, не позволит себе, чтобы со снятием вицмундира и классным звонком прекращались и его обязанности. Ему самому нужно время, чтобы следить за новым направлением в науке и отработкой метода преподаваемого им предмета, за педагогической литературой» [Витевский, 1872, с. 285].

Однако, несмотря на большую нагрузку и ответственность учителя в деле воспитания и обучения молодого поколения, современники изучаемого периода констатировали: «Налагая на представителей педагогического сословия серьезные и ответственные обязанности, государство скромно вознаграждает их материально» [От правления ..., 1897, с. 626].

5. Материальное положение

Учительская зарплата зависела от типа гимназии, классической или реальной, и от недельной нагрузки. Учитель латинского языка за 14 недельных уроков мог получать 1050 руб. в год, а учителя немецкого и французского при нагрузке 19 уро-

ков — 1320 руб. В реальной гимназии учитель немецкого языка за 24 часа в неделю получал 900 руб., а французского — 825 руб.

«Устав 1871» разделил учителей, а соответственно, и их оклады, на 4 категории. Учителя наук и языков с высшим образованием имели I категорию, получали в первые пять лет службы 900 руб. годового оклада и имели право на четыре пятилетние прибавки по 400 руб. каждая. Учителя наук и языков без высшего образования имели II категорию и получали в первые пять лет — 750 руб. с правом на четыре пятилетние прибавки по 200 руб. [Гончаров, 2011, с. 134].

На рубеже XIX — XX веков, кроме зарплаты, учителю могли выдать деньги для проезда к месту службы, он мог получить квартиру или деньги на ее оплату, пенсию, отпуск с сохранением содержания, пособие по болезни, бесплатное обучение детей в государственных учебных заведениях, лечение в санатории [Там же, с. 133].

В первой половине 1907 года в целях исследования материального положения учителей средней школы в Москве специалисты разработали анкеты и разослали их в количестве 1500 штук по учебным заведениям города. Ответы были анонимными, что позволило разработчикам анкет увидеть достаточно правдивую картину того, какими материальными средствами, а соответственно, и возможностями, располагают учителя. Число обработанных анкет, присланных с ответами, составило 548 экземпляров, из которых 357 было заполнено преподавателями, а 191 — преподавательницами. Изучение анкет показало, что 45 % учителей и 52,2 % учительниц сводят концы с концами благодаря дополнительным заработкам и доходам. В «посторонние» доходы были включены личные заработки: литература, музыка, служба в конторе, банке, театре и т. д., а также помощь со стороны родственников. О том, как сводили концы с концами учителя, свидетельствуют лаконичные пояснения, которые ставились рядом с ответами. Например, «без дефицита, благодаря лишениям», «без дефицита, если беру летние уроки», «в те годы, когда имею силы работать летом», «благодаря помощи родных» и т. п. [Материальное ..., 1908, с. 154].

Нельзя не отметить тот факт, что учителя иностранных языков давали частные уроки, которые оплачивались сравнительно высоко, что было важным источником дополнительных доходов.

Окончить учебный год «со сбережениями» могли учителя, которые вели большое число уроков, а также занимались репетиторством. Особо отмечалось, что некоторые преподаватели новых языков «умудряются давать свыше 50 недельных часов» [От правления ..., 1897, с. 627]. Судя по данным анкет, «рекорд» был побит преподавателем французского языка со стажем работы 25 лет, который вместе с частными уроками указал свою недельную нагрузку 83 «недельных часа уроков». В рекордсмены вышел и один учитель немецкого языка: имея учительский стаж 19 лет, он давал 70 уроков в неделю.

В среднем учитель получал 1473 рубля в год за 28 недельных уроков, а учительница — 592 рубля за 26 уроков [О материальном ...]. Меньшая зарплата женщин почти в 2,2 раза по сравнению с педагогами-мужчинами объяснялась тем, что она имеет среднее образование и работает в младших классах. Однако в казенных

мужских гимназиях, а также в некоторых коммерческих училищах зарплата преподавательниц новых языков приближалась к оплате преподавателей-мужчин. Здесь оплата мужского и женского труда была приблизительно одинаковой.

Большой статьёй учительских расходов была квартплата (в холодное время года сюда прибавлялась оплата дров), расходы на питание (хотя в некоторых учебных заведениях они могли «столоваться» за сумму от 3 до 10 руб. в месяц, но качество питания, по оценке в анкетах, было невысоким). Значительная сумма отводилась на обучение собственных детей. Это объясняется тем, что преподаватель ведомства Императрицы Марии не имел права бесплатно обучать ребенка в учебных заведениях Министерства народного просвещения. Плата за обучение в частных учебных заведениях была высока и не всегда посильна для семей учителей.

Существовала разница не только в оплате труда, но и в сроках ее выплаты учителям. Так, жалование иногда выдавалось с задержкой. Далеко не всегда оплачивалась проверка тетрадей. Например, одна учительница иностранного языка из частной гимназии в анкете отметила, что «за уйму тетрадей не платят ни копейки» [Материальное ..., 1908, с. 163]. Другие ответы свидетельствовали о том, что плата за такую работу могла составить от 5 до 90 рублей в год. Отмечалось, что проверка тетрадей оплачивалась в казенных мужских гимназиях в размере 100 рублей в год. И только в одном случае в анкете было указано, что в одной из торговых школ проверка тетрадей оплачивалась значительной суммой в 350 рублей.

Сетовали учителя на факты бесплатных форм учительского труда, что, по их мнению, «носит характер явной эксплуатации». Таковыми являлись дополнительные уроки для отстающих учеников, замена отсутствующего учителя или начальника учебного заведения, но с оговорками «по соглашению» или «по желанию».

Показательны ответы об удовлетворении учителями своих духовных потребностей. Некоторые учительницы тратили на книги, журналы и т. п. сумму в пределах 5—200 рублей в год, а учителя-мужчины — 10—800 рублей. Например, одна учительница французского языка, у которой было много частных уроков, написала, что может покупать книги, когда проводит большое количество уроков, но тогда времени пользоваться книгами уже не хватает. Примечательно, что если учитель добровольно и бесплатно проводил уроки, читал лекции в воскресных и вечерних школах, то это фиксировалось, с одной стороны, как удовлетворение его духовных потребностей, а с другой — как работа на благо общества.

Таким образом, данные анкет дают развернутую картину материального положения учителей иностранного языка. Факты говорят сами за себя: учитель имел высокую нагрузку, но не был обеспечен должным образом материально.

С. В. Зенченко (в 1887 году выпускник историко-филологического факультета Московского университета, преподаватель Московского Елизаветинского института, с 1888 года — частной гимназии М. Б. Пуссель и театрального училища) вполне правомерно считал: «Школа до тех пор будет лишена хороших работников, пока вознаграждение за тяжелый, быстро подтачивающий организм преподавательский труд будет также ничтожно, как теперь. Большинство энергичных, способных людей избирает себе тот род деятельности, который и лучше оплачивается, и не требу-

ет того огромного истощения нервной энергии, как учительство» [Зенченко, 1898, с. 84].

После окончания службы и выхода на пенсию, которую можно было получить после 15 лет работы, учителя учебных заведений Министерства народного просвещения могли претендовать на 1 / 3 жалования, после 20 лет — на 2 / 3, а после 25 лет — на полное жалование [Гончаров, 2011, с. 133].

6. Предложения об улучшении материального положения

В начале XX века педагогическая общественность выступала с заявлениями о необходимости значительного улучшения материального положения учителя, которое создал для него «умирающий режим». Вполне справедливо считали учителя г. Симферополя, что жалование должно быть таково, чтобы было можно, «не прибегая к посторонним занятиям, удовлетворять все потребности культурного человека и всецело отдаться школе» [Чарнолуский, 1906, с. 57].

Различные заявления первоначальную норму жалования определяли в 360 р., 420 р., 600 р., причем к этому содержанию должны были производиться периодические прибавки, а по окончании службы предлагалось назначать учителям пенсию. Педагоги требовали установления для учителя предельного срока службы (20, 24, 25 и 35 лет) не только в его интересах, но и в интересах школьного дела. В зависимости от профессионального опыта и продуктивности работы педагога предлагалось: устанавливать периодические прибавки к содержанию и добавочное вознаграждение за труд, выходящий за рамки прямых служебных обязанностей; определить среднюю норму его рабочего времени; обеспечить возможность пользоваться периодическим отдыхом; сохранять должность и содержание на время болезни; устроить пенсионные кассы при участии как учреждений, так и самих служащих с прогрессивным вычетом из их содержания; организовать обязательное государственное страхование. Высказывалось мнение, что в качестве вспомогательных учреждений для подъема экономического благосостояния учителей следует организовать ссудо-сберегательные кассы и потребительные общества.

В 1909 году Министерство народного просвещения разработало для Государственной думы проект закона «Об улучшении материального положения служащих в средних общеобразовательных мужских учебных заведениях и окружных инспекторов». Интересным и не теряющим актуальности для сегодняшнего дня является обоснование необходимости принятия мер по увеличению учительского жалования. Документ гласил: «Едва ли можно сомневаться в том, что учительский труд принадлежит, наряду с немногими другими профессиями, к числу наиболее утомительных, тяжелых и истощающих. Поэтому для привлечения к педагогической деятельности желательных лиц необходимо не только дать преподавателям вознаграждение, обеспечивающее им безбедное существование, но и вселить в них уверенность, что по мере прохождения службы, материальное благосостояние их будет увеличиваться» [О материальном ...].

Соответствующий закон был принят только в 1912 году, благодаря ему зарплаты учителей мужских гимназий были увеличены.

О том, что уровень доходов учителей на рубеже XIX—XX веков был невелик, свидетельствует создание различных педагогических обществ взаимопомощи. «В 1893 году в Санкт-Петербурге было открыто педагогическое общество взаимопомощи; в 1894 году — общество вспоможения бывшим слушательницам петербургских высших женских курсов; аналогичные общества возникали в Казанской, Екатеринославской, Тверской, Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях» [Щетинина, 2014, с. 323].

Однако Н. П. Щетинина констатирует: «К концу XIX века Россия значительно отставала от многих западных стран в вопросах подготовки учителей, их материального и юридического обеспечения. Если в России в этот период только зарождались общества взаимопомощи и содействия имущественному благосостоянию и духовному развитию учителей, то в западных странах, например, в Австрии и Германии, эти общества получили широкое распространение» [Щетинина, 2015, с. 160].

Постоянная потребность в финансах нередко заставляла правления подобных организаций обращаться к педагогам с просьбой о материальной поддержке подобных обществ. Так, в 1897 году Правление «Общества взаимного вспоможения лицам педагогического звания» со страниц журнала «Педагогический сборник» призывало учителей Российской империи активизировать сбор средств в данную организацию, цель которой состояла в оказании помощи педагогам, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию по причине болезни, несчастного случая или нуждавшимся в средствах на реабилитацию, например, на поездку «на воды». И хотя помощь государства и частная благотворительность несколько облегчали такое бедственное положение учителя, однако признавалось, что право на содействие получали далеко не все, да и размер помощи не всегда был достаточным.

Поднимался также вопрос об устройстве приютов для учителей и воспитателей, которым требуется восстановление сил после болезни. Члены правления фонда писали: «Разве эти лица не заслуживают признания и помощи? Ведь их несчастье чаще всего зависит от рода занятий, от усиленных трудов на пользу молодого поколения, очень часто и от лишений вследствие ограниченности получаемого вознаграждения» [От правления ..., 1897, с. 628].

Тем не менее работа учителей гимназий страны достаточно высоко оценивалась вышестоящими организациями. Учителей награждали государственными наградами «за отличное усердие и особые труды», например, званием «Заслуженный наставник», орденами Святого Станислава, Святой Анны, Святого равноапостольного князя Владимира. Для женщин были установлены Мариинские знаки отличия. Их удостаивались классные дамы, учительницы, надзирательницы, настоятельницы и директрисы, прослужившие более 15 лет. Награжденным назначалась пенсия сверх жалованья, которая наследовалась мужем и детьми [Не вернуть ...]

В сентябре 1905 года министр народного просвещения В. Г. Глазов писал попечителю Харьковского учебного округа: «При осмотре некоторых учебных заведений Рижского, Виленского, Варшавского, Киевского, Харьковского, Московского учебных округов отмечено, что в лицах начальствующих и учащихся, за редкими исключениями, я видел всюду преданных своему делу тружеников, понимающих всю

святость и ответственность возложенных на них обязанностей» [ГАКО, ф. № 185, оп. 1, д. 20, л. 2].

Несмотря на достаточно высокую учебную нагрузку и невысокое за нее материальное вознаграждение, большинство учителей любили свою работу и, конечно же, своих учеников. Личность учителя проявлялась во всех деталях стиля его деятельности: в отношении к преподаваемому предмету, в выборе методов воспитания и обучения, но прежде всего — в его отношении к ученикам и ответном отношении к нему воспитанников. Е. В. Белявский — учитель, инспектор, директор гимназии в 70-е годы XIX столетия — высказывал важную мысль: «О педагоге есть самое правильное и самое беспристрастное мнение — это мнение самих учеников. Ученики разносят славу о педагоге по своим семьям, и, значит, по всему городу. С этим общественным мнением нельзя не считаться» [Белявский, 1905, с. 233].

Интересны оценки учителей, которые были даны школьниками в сочинении об идеале учителя. Словами *самый любимый учитель, учитель, с которым лучше всего было работать, учитель, благодарная память о котором сохранится навсегда* награждали педагогов, которые были добры, мягки, благородны, никогда не проявляли жестокости или грубости в отношении с учащимися. Они указывали, что «такое отношение действует на учащихся как электрический ток, пробуждает силы и заставляет работать еще более напряженно» [Учителя ..., 1906, с. 125]. Некоторые отмечали, что больше всего признания имеют учителя, которые обладают веселым, радостным характером, остроумные и общительные. Привлекательными качествами в учителях, с их точки зрения, были терпимость, вдумчивость, чуткость, искренность, а также умение понимать своих учеников. Заставляет задуматься мысль учеников о том, что одни учителя никогда не казались молодыми, а другие — старыми. При этом в их оценке молодость и старость не всегда являлись свидетельством возраста. По их мнению, быть молодым — это быть полным энтузиазма, полным жизни, чувствовать искреннюю симпатию к молодежи, имея опыт и знания 30 или 45 лет, сохранить веру, надежду и глаза 18 лет [Там же, с. 130].

7. Заключение

Изучение социального портрета гимназического учителя иностранного языка позволяет сделать вывод о том, что объем учебной нагрузки, включая внеклассную работу и массу дополнительных обязанностей, его материальное вознаграждение не соответствовали той высокой социокультурной миссии, которая на него возлагалась. Вопросы уменьшения объема учебной нагрузки, низкой зарплаты учителя ставились в повестку дня, обсуждались, но не всегда решались. Однако, независимо от материальных трудностей, многие учителя, которые выбрали учительский труд по призванию, сделав это делом своей жизни, были подвижниками. Важным было то, что в этот исторический период в обществе существовал престиж знаний, а следовательно, и учительской профессии, пусть профессии не всегда высоко оплачиваемой, тем не менее учитель имел достаточно высокий социальный статус, был эталоном образованности, культуры, непререкаемым авторитетом, за что снискал уважительное отношение со стороны учеников, их родителей, общественности.

Источники и принятые сокращения

1. ГАБО — *Государственный архив* Белгородской области. Ф. № 80. Оп. 1. Д. 80. Л. 6 ; Ф. № 81. Оп. 1. Д. 55. Л. 147 ; Д. 131. Лл. 32, 77 ; Ф. № 82. Оп. 1. Д. 55. Л. 78.
2. ГАКО — *Государственный архив* Курской области. Ф. № 185. Оп. 1. Д. 20. Л. 2 ; Д. 32. Л. 146, 147, 148.
3. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. № 1359. Оп. 1. Д. 25. Л. 13 ; Ф. № 1546. Оп. 1. Д. 44. Лл. 11, 16.
4. *Не вернуть ли табель о рангах?* — Режим доступа : <http://ug.ru/archive/32177>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешинцев И. А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв.) / И. А. Алешинцев. — Санкт-Петербург : Издание О. Богдановой, 1912. — 340 с.
2. *Белявский Е. В.* Педагогические воспоминания. 1861—1902 гг. / Е. В. Белявский. — Москва : ред. журн. «Вестн. Воспитания», 1905. — 249 с.
3. *Витевский В.* Наша гимназия и общество / В. Витевский // *Семья и школа*. — 1872. — № 8. — С. 279—294.
4. *Гончаров М. А.* Социально-правовой статус и материальное положение учителей гимназий в России XIX в. / М. А. Гончаров // *Наука и школа*. — 2011. — № 5. — С. 129—137.
5. *Зенченко С. В.* О подготовке преподавателей средних учебных заведений к педагогической деятельности / С. В. Зенченко // *Вестник воспитания*. — 1898. — № 4. — С. 60—96.
6. *Кошкина Н.* Реформа в преподавании новых языков / Н. Кошкина // *Вестник воспитания*. — 1901. — № 7. — С. 49—57.
7. *Левченко О. Ю.* Отечественные педагоги и общественные деятели о важности иноязычного образования / О. Ю. Левченко // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета*. — 2013. — № 2. — С. 145—150.
8. *Материальное положение учителей средней школы в Москве* // *Вестник воспитания*. — 1908. — № 4. — С. 151—166.
9. *Ней П. И.* О преподавании иностранного языка / П. И. Ней, преп. нем. яз. В Киев. торг. кл. им. Н. А. Терещенко. — Киев : лито-тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, Киев. отделение, 1901. — 17 с.
10. *О материальном положении учителя в дореволюционной России*. — Режим доступа : <http://moipriut.ru/blog/43119254410/O-materialnom-polozhenii-uchitelya-v-dorevoljutsionnoy-Rossii>.
11. *От правления общества взаимного вспоможения лицам педагогического звания* // Педагогический сборник. — 1897. — № 6. — С. 626—628.
12. *Смирнов В. З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. / В. З. Смирнов. — Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1954. — 310 с.
13. *Стоюнин В. Я.* Мысли о наших гимназиях / В. Я. Стоюнин // *Воспитание*. — 1860. — № 9. — С. 133—145.
14. *Учителя средних школ с точки зрения учащихся старших классов* // *Вестник воспитания*. — 1906. — № 1. — С. 124—132.
15. *Фот М. К.* О преподавании языков в школе / М. К. Фот // *Вестник воспитания*. — 1902. — № 5. — С. 168—187.

16. *Чарнолуцкий В. И.* Итоги общественной мысли в области образования / В. И. Чарнолуцкий. — Санкт-Петербург : Знание, 1906. — 78 с.

17. *Щетинина Н. П.* Учительские общества взаимопомощи в России конца XIX — начала XX веков / Н. П. Щетинина // Модернизационные процессы в российском и зарубежном образовании XVIII — начала XXI века : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции — XXX сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки Российской академии образования / под науч. ред. : М. В. Богуславского, С. В. Куликовой, А. Н. Шевелева. — Санкт-Петербург : СПб АППО, 2014. — С. 322—327.

18. *Щетинина Н. П.* Учительские общества взаимопомощи Рязанской губернии и их роль в решении проблем Рязанского учительства / Н. П. Щетинина / Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний : сборник статей / отв. ред. Г. В. Мысенко. — Москва : Перо, 2015. — С. 160—164.

SOCIAL PORTRAIT OF A FOREIGN LANGUAGE TEACHER AT THE TURN OF XIX—XX CENTURIES

© **Marina N. Vetchinova (2019)**, orcid.org/0000-0003-2295-4780, SPIN 5785-2967, Doctor of Pedagogy, associate professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kursk State University” (Kursk, Russia), marx2003@list.ru.

A social portrait of a gymnasium teacher of ancient and new languages at the turn of the XIX—XX centuries is presented. The mission of the teacher, his study load, the ability to combine the teaching of several subjects of the gymnasium course are shown. Information about the features of work in the position of classes mentors is presented. The forms of work that were paid extra, as well as those for which teachers did not receive any payment, were highlighted. Information is provided on the number of lessons per week and the amount paid. The financial situation of the teacher, in particular, the cost of rent, nutrition, spiritual development, is characterized. The requirements of teachers on increasing salaries and reducing the workload are given. The appeal of the “Society for the mutual assistance of pedagogical rank” Board to teachers of the country with a request to intensify the work in educational institutions to raise funds to help teachers in need is analyzed. It is concluded that the volume of the academic load and material reward did not correspond to the high sociocultural mission that was assigned to the teachers, but during this historical period, the teacher was the standard of education, culture, unquestioned authority, for which he earned respect from students, their parents and public.

Key words: professional portrait; teacher; mentor; study load; financial situation; foreign language; gymnasium.

MATERIAL RESOURCES

GABO — *Gosudarstvennyy arkhiv Belgorodskoy oblasti*. F. № 80. Op. 1. D. 80. L. 6.; F. № 81. Op. 1. D. 55. L. 147; D. 131. Ll. 32, 77; F. № 82. Op. 1. D. 55. L. 78. (In Russ.).

GAKO — *Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy oblasti*. F. № 185. Op. 1. D. 20. L. 2; D. 32. L. 146, 147, 148. (In Russ.).

GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. F. № 1359. Op. 1. D. 25. L. 13; F. № 1546. Op. 1. D. 44. Ll. 11, 16. (In Russ.).

Ne vernut' li tabel' o rangakh? Available at: <http://ug.ru/archive/32177>. (In Russ.).

REFERENCES

- Aleshintsev, I. A. (1912). *Istoriya gimnazicheskogo obrazovaniya v Rossii (XVIII i XIX vv.)*. Sankt-Peterburg: Izdanie O. Bogdanovoy. (In Russ.).
- Belyavskiy, E. V. (1905). *Pedagogicheskiye vospominaniya. 1861—1902 gg.* Moskva: red. zhurn. «Vestn. Vospitaniya». (In Russ.).
- Charnoluskiy, V. I. (1906). *Itogi obshchestvennoy mysli v oblasti obrazovaniya*. Sankt-Peterburg: Znaniye. (In Russ.).
- Vitevskiy, V. (1872). *Nasha gimnaziya i obshchestvo. Semya i shkola*, 8: 279—294. (In Russ.).
- Fot, M. K. (1902). O prepodavanii yazykov v shkole. *Vestnik vospitaniya*, 5: 168—187. (In Russ.).
- Goncharov, M. A. (2011). Sotsialno-pravovoy status i materialnoye polozheniye uchiteley gimnaziy v Rossii XIX v. *Nauka i shkola*, 5: 129—137. (In Russ.).
- Koshkina, N. (1901). Reforma v prepodavanii novykh yazykov. *Vestnik vospitaniya*, 7: 49—57. (In Russ.).
- Levchenko, O. Yu. (2013). Otechestvennyye pedagogi i obshchestvennyye deyateli o vazhnosti inoyazychnogo obrazovaniya. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2: 145—150. (In Russ.).
- Materialnoye polozheniye uchiteley sredney shkoly v Moskve (1908). *Vestnik vospitaniya*, 4: 151—166. (In Russ.).
- Ney, P. I. (1901). *O prepodavanii inostrannogo yazyka*. Kiyev: lito-tip. t-va I. N. Kushnerev i K°, Kiyev. otd.-nie. (In Russ.).
- O materialnom polozhenii uchitelya v dorevolyutsionnoy Rossii*. Available at: <http://moipriut.ru/blog/43119254410/O-materialnom-polozhenii-uchitelya-v-dorevolyutsionnoy-Rossii>. (In Russ.).
- Ot pravleniya obshchestva vzaimnogo vspomozheniya litsam pedagogicheskogo zvaniya (1897). *Pedagogicheskiy sbornik*, 6: 626—628. (In Russ.).
- Shchetinina, N. P. (2014). Uchitelskiye obshchestva vzaimopomoshchi v Rossii kontsa XIX — nachala XX vekov. In: *Modernizatsionnyye protsessy v rossiyskom i zarubezhnom obrazovanii XVIII — nachala XXI veka: sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii — XXX sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii obrazovaniya i pedagogicheskoy nauki Rossiyskoy akademii obrazovaniya*. Sankt-Peterburg: SPb APPO. 322—327. (In Russ.).
- Shchetinina, N. P. (2015). Uchitelskiye obshchestva vzaimopomoshchi Ryazanskoy gubernii i ikh rol' v reshenii problem Ryazanskogo uchitelstva. In: *Aktualnyye problemy sotsialno-gumanitarnykh znaniy: sbornik statey*. Moskva: Pero. 160—164. (In Russ.).
- Smirnov, V. Z. (1954). *Reforma nachalnoy i sredney shkoly v 60-kh godakh XIX v.* Moskva: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR. (In Russ.).
- Stoyunin, V. Ya. (1860). Mysli o nashikh gimnaziyakh. *Vospitaniye*, 9: 133—145. (In Russ.).
- Uchitelya srednikh shkol s tochki zreniya uchashchikhhsya starshikh klassov (1906). *Vestnik vospitaniya*, 1: 124—132. (In Russ.).
- Zenchenko, S. V. (1898). O podgotovke prepodavateley srednikh uchebnykh zavedeniy k pedagogicheskoy deyatel'nosti. *Vestnik vospitaniya*, 4: 60—96. (In Russ.).